



Г Л А В А I ТИХАЯ СУББОТА

Заур решительно отодвинул ориентировку, тяжело поднялся из-за стола. Многочасовая усталость тяжелым грузом давила на затылок — нужно отдохнуть. Часа на два уйти подальше от полутемного кабинета, от горы дел...

Заур неторопливо спустился по лестнице с разбитыми кое-где цементными ступенями и остановился у литого чугунного столба.

По широкому проспекту с лязгом пронеслись трамваи, мягко шуршали автомобили, по тротуару плыл шумный людской поток. В косых лучах заходящего солнца жарким пламенем пылали окна домов.

Заур взглянул на часы — около семи. Прикинул в уме — возвращаться раньше десяти не имело смысла. И спокойно зашагал к бульвару. Жаркий майский ветерок дышал ароматами прогретой земли, нефти; типично бакинскими запахами. Заур шел не глядя по сторонам,

и вздрогнул, когда почти рядом с ним, завизжали тормоза. К тротуару мягко притерлась синяя «Победа» — вдоль кузова красная полоса с надписью милиция.

— Не пугайся, начальник, свои!

— Здравствуйте, Аскер Мурадович! — Заур по любимому присловью угадал в глубине машины начальника районного отдела милиции. — Что, только с совещания?

— Представь себе. Два часа в кабинетной духоте, при закрытых окнах. Да и разговор жаркий вышел...

Заур невольно улыбнулся.

— Крепко досталось нам сегодня, Заур, — продолжал начальник РОМ. — И крыть нечем. Министр прав — плохо с предупреждением. В общем, — не халва.

— Ну что ж, будем бороться за предупреждение. Как начальство скажет...

— Шутки в сторону, Акперов, — Аскер Мурадович покрутил толстым пальцем под носом у Заура. — Днем нарушения были?

— Да нет. И вечер тихий. Впрочем, может быть, в эту самую минуту преступный элемент, который нами не взят на учет...

— Брось, не до шуток, говорю!

— Слушаюсь, товарищ Асланов! — Заур подтянулся.

— Так-то! — Асланов сердито оттянул тугой воротник кителя. — Когда будешь в отделе?

— Часам к десяти.

— Что ж... Отдыхай.

— Какой отдых в субботу? — искренне удивился Заур.

Асланов махнул рукой, тронул шофера за плечо. «Победа» резко рванула с места.

Заур побрел дальше. Зеркальная витрина ресторана отразила его крупную лобастую голову, резкие морщины у рта. Акперов невольно отвел глаза. В памяти всплыл — последний вечер с Гюлярой и сыном, проводы на аэродроме. И, как удар наотмашь — короткую, в несколько слов, телеграмму: «Погибли Ашхабадском землетрясении»...

Солнце садилось. И небо, тяжело наливаясь синевой на востоке, прозрачно голубело за Шаховой косой. Море лениво плескалось в черный замазученный берег. Желтые струйки песка сыпались из-под ног вниз, на черные

жирные камни. В Доме Правительства за спиной одиноко светилось несколько окон.

Вдохнув всей грудью прохладу, Заур почувствовал себя бодрее. Каждой клеточкой своего тела ощущал, как заполняет легкие острый морской воздух. Только когда уже совсем стемнело, он снова вышел на площадь.

Не успел он сделать и нескольких шагов, как голубой «Москвич», круто свернув к тротуару, взвизгнул тормозами. Профессиональная привычка мгновенно впечатала в памяти номер: АЗИ 13-13. «Ого! Дурная примета!».

И словно живое опровержение ее, в сердцах хлопнув дверцей, из машины выскочила девушка. Волнение очень шло к ее миловидному лицу. Черные, густые волосы, схваченные у затылка лентой, падали на плечи. Заур отметил небрежную изысканность одежды — полосатую навывпуск кофточку, серые брючки.

Девушка капризно стукнула каблуком по заднему колесу и сердито сжала кулачки. Заур остановился. Ясно, села покрывка. «Помочь ей? Или неудобно?» Он подошел поближе. Девушка встретила его колющим взглядом.

— Вы не режиссер случайно? — спросила она злым звонким голосом.

— С чего вы взяли? — Заур удивленно вскинул брови.

— Да так, — притворно вздохнула она. — Похоже, что вы пишете сюжет для картины. Совсем, как в кино... Встреча на закате... Незнакомка, потерпевшая бедствие...

Заур невольно улыбнулся, открыл было рот, но девушка не дала ему произнести и слова.

— Ну, что вы уставились? Я, признаться, не расположена к лирике.

— Это почему же?

Незнакомка сердито прищурила глаза:

— Нелепый вопрос...

— Не думаю.

— Да, думать не всякий умеет.

— Благодарю за любезность. Но все-таки я хотел спросить, что вы собираетесь делать?

— Кружиться в вальсе, — ответила она, опускаясь на корточки и устанавливая домкрат.

— Очень хорошо. А где же музыка? — не унимался Заур.

— За углом, в клубе, — отмахнулась она.

— Тогда у вас поразительный слух.

— А других качеств вы не заметили? — оборвала она.

Заур поспешил переменить тему:

— Давно водите машину?

— Может быть, предъявить права?

— Ни к чему.

— Приятно слышать, — усмехнулась она, — а то я уже подумала, что передо мной автоинспектор... Послушайте, молодой человек, не кажется ли вам что вы очень назойливы? И что неприлично досаждать расспросами незнакомым людям?

— Пожалуй, — согласился Заур миролюбиво. — Я просто хотел поделиться с вами опытом.

— Гм! Не очень подходящее время для лекции.

— Ну и колючая же вы. Как ёж в обороне. — Он опустился рядом на корточки, осмотрел покрышку. Отырвисто спросил: — Запасное колесо у вас есть?

— В багажнике.

— Тогда я вам помогу.

Он швырнул плащ на сиденье машины и полез в багажник. Быстро заменил пострадавший скат запасным.

Девушка смущенно отвела глаза. Казалось, ей стало неловко и за развязный тон, и за колкости. Зато на Заура нашла неумная веселость.

— Вы сказали, что собираетесь кружиться в вальсе. Видимо, очень любите танцевать?

— Нет не люблю, — она ответила спокойно и просто, не желая принимать его вызов.

— А что же вы любите?

— Неожиданности. Все хорошее приходит неожиданно... — грустная тень легла на ее лицо. — В том числе и добровольные помощники.

— Благодарю. — Заур церемонно поклонился.

— Что вы, — смутилась вдруг она. — Это я вас должна благодарить. — И в тон собеседнику церемонно добавила, пряча улыбку. — Простите, не знаю, с кем имею честь?..

Заур низко поклонился:

— Нат Пинкертон.

Девушка, подумав, протянула руку.

— Очень рада. Марита.

Они смущенно помолчали, — больше говорить было не о чем. Через несколько секунд «Москвич» растаял в

сумерках. А Заур с минуту стоял у кромки тротуара, ладонь все еще хранила тепло женских пальцев. Он зашагал дальше.

У фуникулера, как всегда, толпился народ. Заур, прикинув время, стал подниматься по лестнице, ступени которой тянулись до самого Нагорного парка: оттуда до дома — рукой подать. Настроение было отличное. Знакомство с девушкой как-то развеяло усталость, придало тихому майскому вечеру какую-то особую значимость.

Запыхавшись, Заур облокотился на барьер лестничной площадки, глянул вниз.

Мерцающей россыпью огней раскинулся внизу город. Ровная гирлянда фонарей Приморского парка, четко обозначала его границы. Дальше, в заливе, наискось перерезанном лунной дорожкой, вспыхивали красными искрами буйки, дрожали, скользили по воде отраженные огоньки с катеров и буксиров.

...Узкая улица привела Заура в заросший виноградом тупичок. Еще издали он заметил у ворот одинокую фигуру.

— Мама, ты?

Пери-ханум откинула платок с седой головы. Наконец-то...

— Асланов звонил, говорил, что, наверно, заглянешь домой.

...Заглянешь. Раньше, если выпадало хотя бы пятнадцать свободных минут, он, сломя голову, мчался на эту тихую глуховатую улочку. Сейчас только привязанность к матери заставляла его возвращаться сюда. «Я не утешаю, но работа, черт побери, лучшее лекарство от горя», — так, кажется, говорил Асланов, подбрасывая ему новые и новые дела.

Лунный свет притушил звезды и вычернил, удлинил тени. Тишина. Мягко светятся окна соседних домов. Легкая рука матери нежно гладит плечо сына, неслышно что-то шепчут губы. Остро, зримо вспомнилось далекое хмурое утро, отец, большой, встревоженный, склонившийся над ним. Вот здесь у ворот, чуть ли не на этом самом месте.

— Идем, сынок, идем скорей. А то не успеем.

— Куда, папа?

— На базар. Мы должны купить маме девочку. Живую куклу. Понимаешь, малыш?

— А разве мамы в куклы играют?

— Играют, сынок, играют.

Пятилетний Заур торопится, старается делать шире шаги, чтоб не отстать от отца. Но где же базар? Отец долго водит его по аллеям старого парка, затем берет уставшего мальчугана на руки. К полудню начинается накрапывать дождь. И отец, прикрыв Заура, пиджаком, торопится с ним домой.

— Папа, а кукла? Ты же обещал...

— Ай-яй-яй! Совсем забыл, сынок. Но ничего. Наверно, тетушка Джейран уже купила. Ну-ка, герой, прыгай на землю, идем в комнату, посмотрим.

В полутемной комнате горит свеча, в ее дрожащем свете лицо мамы как неживое. Она грустная, словно кто-то ее обидел. Но она рада Зауру, тянет к нему руки. Тетушка Джейран показывает куклу. Настоящую. Неожиданно она морщит нос и раздражается таким криком, что Заур пятится к отцу.

...А сколько было бы его собственному сыну.

Заур вздохнул, посмотрел на часы. Дрогнула на плече рука матери.

— Ну что, сынок, вернулся издалека? — совсем тихо спросила мать.

— А ты откуда знаешь?

— Так, сердцем слышу. Все слышу.

— Не все, мама. — Он коснулся губами ее виска. — Иди в дом. А мне пора на работу.

— А ну марш в комнату, — возмутилась Пери-халум. — Пока чаю не выпьешь, никуда не пойдешь.

Мать поставила перед ним, исходящий ароматным паром стакан.

— Что-то ты утанваешь, сынок. Ты не думай — я ведь всегда пойму...

— Нечего пока говорить, ана-джан. Разве что девушку одну встретил сегодня.

— Ну, и кто же она?

— Не знаю, мама.

— Чья она дочь?

— Не знаю.

— А где живет?

— И где живет не знаю, ана-джан. Ничего не знаю.

— Ну, что ж. Пей чай, а то остынет.

С каким наслаждением пьется крепкий «мамин» чай...



«Как мама заваривает, никто не умеет», — с гордостью хвастался он еще на фронте. В первые дни после демобилизации, он, пожалуй, больше пил чай, чем ел.

И в тот вечер он тоже сидел за столом, и грел руки о горячее стекло стакана, когда за ним пришли из горкома.

Встретил его пожилой, с жестковатым неулыбчивым лицом второй секретарь. Кивнул дружелюбно, как старому знакомому.

— Садись. Я знал твоего отца. Хороший был нефтяник. Ты похож на него, старший лейтенант. Хорошо, если и характер отцовский. Деды говорят, корень крепок — плоды хороши. Мне было бы приятно убедиться, что сын Алекпера так же прям, напорист, трудолюбив. Я не зря говорю это. Тебя, как демобилизованного офицера-разведчика, как коммуниста, решили рекомендовать на работу в уголовный розыск.

— Меня? В уголовный розыск? Представления не имею.

— Научись. Не спеши. А я что родился секретарем горкома? Был обыкновенным механиком, потом мастером по бурению, а потом... Словом, никто специалистом не рождается. Ну как? Договорились?

Заур встал, зачем-то одел фуражку. Секретарь улыбнулся — неожиданно мягким сделалось суровое, замкнутое лицо.

— Запомни, великая эта радость, когда чувствуешь, что нужен людям. На особый участок посылаем тебя. Скажу прямо, — легкой жизни не будет. И покой, как сказал поэт, будет тебе только снится...

— Так неожиданно... Да и меня вы совсем не знаете. Секретарь пылливо посмотрел на Заура.

— Знаем, Акперов. Знаем. Больше, чем ты предполагаешь... Например, о твоем поединке с неизвестной разведчицей Луизой Летгер. Если не изменят мне память, это было в начале 1945-го под Будапештом... Ставка генерала Пфефера. Это была нелегкая схватка, — ты выиграл ее блестяще. Правда, ты допустил одну ошибку и это дорого стоило...

Акперов вспыхнул, поднялся со стула. То, о чем говорил секретарь, не знали даже однополчане.

— Хорошо. Попробую... А за доверие спасибо, товарищ секретарь.

...Такси остановилось у здания районного отдела милиции. Акперов торопливо прошел к дежурному.

В длинной большой комнате было шумно, колыхался под потолком густой табачный дым. Обмениваясь шутками, уходили в наряд патрули и постовые. Дежурный инспектор — старший лейтенант Никольский громко доказывал что-то сутулой старушке. Та все поправляла очки, старалась перекричать своего собеседника.

Завидев начальника «угро», все на минуту приумолкли. Акперов поздоровался, и направился к своему кабинету, уже за столом нехотя придвинул к себе объемистую папку, — свежая почта. Приказы, инструкции, заявления, жалобы... Что это? Ориентировка? Московский уголовный розыск сообщал, что с сентября 1952 года разыскивается опасный преступник Тониянц Аршавич Самвелович, по кличке «Волк», рождения 1905 года. 20 сентября 1952 года, будучи бухгалтером-кассиром СУ, похитил 180 тысяч рублей и скрылся. МУР имеет данные о том, что, скрываясь под чужой фамилией, он разъезжает по Союзу. Преступник одинок, владеет несколькими языками, ранее судим за убийство и не исключена возможность его появления в Закавказье. Прилагался и словесный портрет: роста высокого, сутуловатый, бреет голову, густые черные брови, шрам на затылке — след пореза, глаза карие, одевается скромно, нелюдим...

Акперов, еще раз прочитав ориентировку, задумался. Карандашом машинально набросал на клочке бумаги густобровое, хмурое лицо. Усмехнулся, отшвырнул набросок. По таким данным вряд ли можно найти преступника. Разве только случайность...

За спиной скрипнула дверь. Вошел старший оперуполномоченный капитан Огнев.

— Вечер добрый, Заур Алекперович.

— Здравствуй, Андрей. Что нового?

— Тишина.

Акперов улыбнулся.

— Вот если бы ты мог порадовать таким же прогнозом и на воскресенье...

— Кто может поручиться... Скажешь, — получится, как гарантия на телевизор.

— Это точно. Телевизор — вещь сомнительная.

— Ты знаешь, вчера приходил на прописку Серго Шавлакадзе.

— Кто-кто?

— Шавлакадзе, художник.

— «Рембрандт», что ли?

— Он самый. Помнишь, в сорок девятом сел за грабеж и попытку изнасилования.

— Такой тощий, пижонистый?

— Вот-вот. И в заключении не поправился. Только бородку отпустил. Увидел меня, — расшаркался. Полтора года назад вышел досрочно, жил в России. Теперь снова потянуло в родные пенаты, к матери.

— С работой наверное надо помочь?

— Спросил. Говорит, что оформляется в кинотеатр «Ширван» художником. Поблагодарил за внимание.

— Слушай, — Заур хлопнул себя по лбу, — а ведь соучастник его, этот, Галустян, бежал из лагеря! Помнишь, месяцев 7—8 назад была ориентировка.

Огнев опустил на стул.

— Верно. Совсем вылетело из головы. А впрочем, может быть, и хорошо, что не спросил. Надо бы сначала присмотреться к Шавлакадзе. Всерьез он одумался или голову морочит...

— Давай-ка, Андрей... Под особый контроль — и Шавлакадзе, и его знакомых.

— Наблюдение за квартирой?

— Нет, людей не хватит. И такой острой необходимости тоже нет. Посматривать будем. Надо надеяться, что научился в лагере уму-разуму. Времени на размышление было достаточно...

Заур не договорил. В кабинет вихрем влетел Никольский. Он был растерян.

— Товарищ майор, на 2-й Железнодорожной ограбление с ранением. Происшествие имело место полчаса назад, в 22 часа 30 минут. Потерпевшая — женщина...

— Черт, моя зона, — вырвалось у Андрея. — Надо же! Жива? — спросил он коротко у Никольского.

— Да, товарищ капитан...

— Видишь, Андрей, — произнес Акперов, — а мы только что говорили о тишине. Где потерпевшая?

— Во второй комнате дежурки. Доставлена каретой скорой помощи. После перевязки от дальнейших услуг